

Эхо войны (А.М. Коздаев)

В окрестностях усадьбы Черёмушки во время войны

Я родился в 1938 году и жил с родителями в деревне Шаболово, которая располагалась рядом с бывшей усадьбой Черёмушки и простиралась от нынешнего углового перехода Б.Черёмушкинской улицы в ул. Кржижановского и шла в сторону Нахимовского проспекта и далее за него.

Когда немецкие войска в ноябре-декабре 1941 года подходили к Москве, мне уже шёл 4-ый годик. Отец был на фронте. В нашем полуподвальном жилище в деревне Шаболово был репродуктор-громкоговоритель в виде чёрной конусообразной тарелки из плотной бумаги (рис. 1). На базе таких репродукторов строилась вся радиотрансляционная проводная сеть Советского Союза. Все экстренные сообщения доводились до населения через такие репродукторы, которые громкоговорителями можно было называть условно: их можно было слушать в тихой комнате на расстоянии не более 2–3 метров.

Рис. 1. Репродуктор военного времени.

Несколько раз в сутки передавались «Последние известия». «Внимание! Внимание! Говорит Москва! — вещал репродуктор серьёзно-торжественным голосом Юрия Левитана. — Передаем “Последние известия”». Далее следовала краткая информация о состоянии дел на фронтах. А оно было очень тяжёлым. Наши войска в первые месяцы войны отступали. Люди расходились от репродукторов понурыми.

Каждый вечер, как только темнело, немцы летели бомбить Москву. С немецкой точностью, в одно и то же время. За несколько минут до налета взывал гудок Черёмушкинского кирпичного завода, а репродуктор оповещал: «Граждане! Воздушная тревога! Воздушная тревога! Всем необходимо, взяв с собой только самое необходимое, покинуть жилые помещения и укрыться в бомбоубежищах...». А после налета звучало: «Воздушная тревога миновала». До сих пор, нет-нет, да и всплывут в памяти эти будоражающие слова «Воздушная тревога!»

А какие бомбоубежища в деревне? Выкапывали на огородах рядом с домами удлиненные ямы глубиной около 2 метров, настилали сверху брёвна и доски, присыпали их землёй — вот и готово бомбоубежище. Но спасти оно могло только от горизонтально летящих осколков. Однажды немецкая бомба попала прямо в такое укрытие. Погибло и было покалечено 10–12 человек, в основном, дети. В деревне был великий плач. Однако страх со временем притушился и многие во время бомбёжек переставали прятаться в укрытиях.

Иногда на крыше нашего жилища (с одной стороны крыша была на уровне земли и на неё было легко залезть) после бомбёжек мы находили искорёженные кусочки металла размером в несколько сантиметров — прилетевшие издалека осколки от взрыва бомб.

Отчётливо помню тёмное небо над деревней, мечущиеся по нему узкие лучи прожекторов, которые выхватывали из темноты летящий самолет, далёкие звуки каких-то выстрелов, и себя, приоткрывшего дверь на улицу, целящегося из своей игрушечной пушки в самолет и воображающего, что это я стреляю по фашисту.

Поздний анализ этих событий рисует следующую картину. При налетах немецкой авиации на Москву начинали работать средства ПВО. В тёмное время суток звукоулавливающие установки, расположенные, в частности, на территории бывшей усадьбы «Черёмушки», где в последствии был сооружен атомный реактор ИТЭФ, и включавшие в себя звукоулавливающие раструбы, смонтированные по 4 на каждой установке (рис. 2, 3), определяли направление, откуда летели бомбардировщики. Данные передавались прожекторным подразделениям, и с десятков прожекторов начинали шарить в указанном районе неба. Наконец один из лучей освещал самолет. Тотчас, как по команде,

все прожекторы, словно шпаги, скрещивались на бомбардировщике и вели его, сделав видимым для зенитчиков (рис. 4).

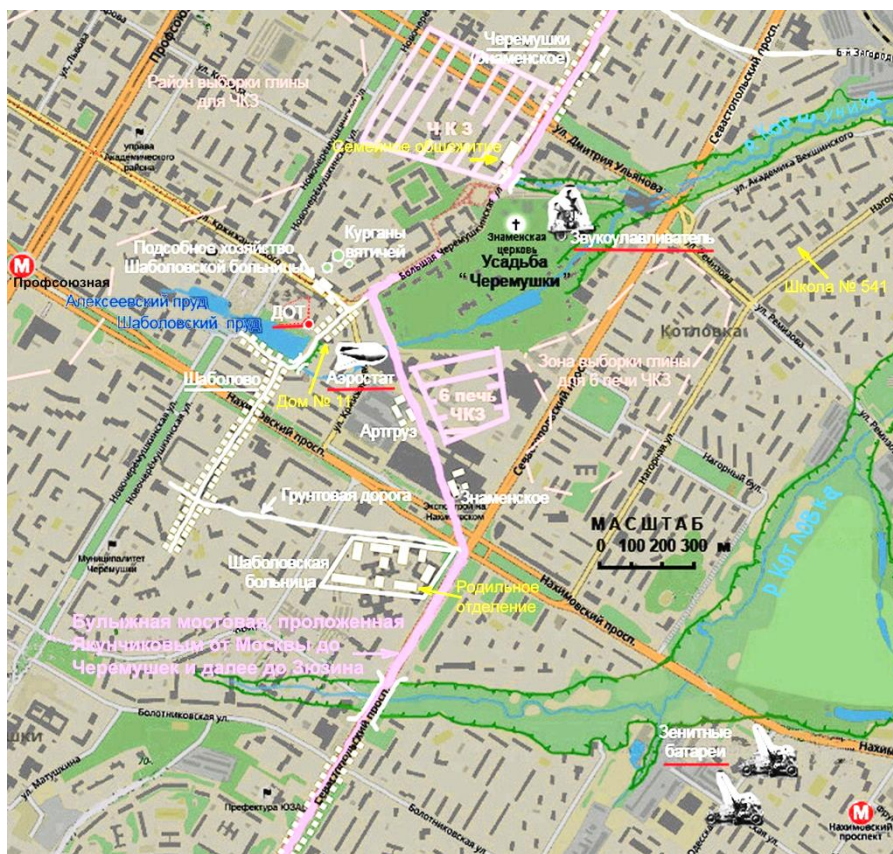

Рис. 2. Наложение объектов военного времени на современную карту Юго-западного округа Москвы.

Рис. 3. Звукоулавливатели времен ВОВ.

Рис. 4. Немецкий бомбардировщик в «клещах» прожекторов.

Две батареи зениток стояли у поселка ЗИС (завода имени Сталина, который позже был назван по фамилии директора завода Лихачева — ЗИЛ, сейчас это начальная часть Симферопольского бульвара) недалеко от глубокого оврага, по дну которого протекает речка Котловка. В настоящее время примерно на этом месте находится станция метро «Нахимовский проспект» (рис.2), а от оврага осталась относительно неглубокая низина. Зенитчики открывали огонь по самолету: «Пах-пах-пах, пах-пах-пах...». Одна из таких зениток показана на рис. 5. К сожалению, попадали нечасто. Но однажды я видел,

как самолёт задымил над усадьбой Черемушки и пошёл снижаться в сторону Зюзина – видимо, подбили. Радости у нас – шаболовских мальчишек – не было границ!

Чтоб затруднить пролёт немецких самолётов на Москву, и в городе, и в его пригородах было размещено до 300 аэростатов, которые на ночь поднимались в воздух. Их тросы были практически невидимыми и большую опасность для фашистской авиации. Один из таких аэростатов базировался в низине между нашим домом и парком (рис. 2). Огромная серебристая формы весь день держалась на усадьбы «Черёмушки» махина каплевидной канатах у земли, а на ночь поднималась на высоту порядка 3 км (рис. 6). Обслуживали аэростат, как я сейчас понимаю, регулярно пополнился водородом, который приносили, точнее, приводили откуда-то из Москвы в газгольдерах — больших резиновых «колбасах» диаметром метра 3 и длиной метров 8 (рис. 7). Справа и слева от такой «колбасы» шли девушки, удерживая её от взлёта за веревки.

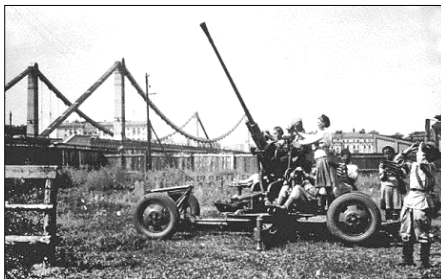

Рис. 5. Зенитное орудие.

Наматывать верёвку на руку категорически запрещалось. Но руки уставали, и некоторые наматывали верёвку на кулак. Так рука не уставала, её держала стремящаяся ввысь сама «колбаса». Однажды при порыве ветра верёвки вырвало из рук. «Колбасу» бросило вверх. Одна из девушек не сумела быстро освободиться от привязи, и её потащило вверх вместе с «колбасой». Результат был трагичным...

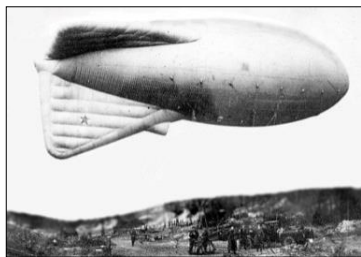

Рис. 6. Аэростат в Подмосковье.

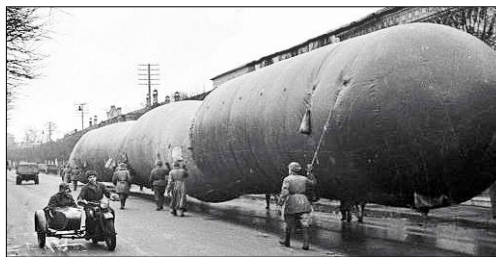

Рис. 7. Переносные газгольдеры на улицах Москвы.

С другой стороны деревенской улицы относительно нашего дома в небольшом вишневом саду у Шаболовского пруда, который на современной карте Москвы в интернете называется Новочерёмушкинским, на месте современного дома № 24/35, корп. 4 по ул. Кржижановского был сооружён ДОТ — долговременная огневая точка (рис. 2). Стены и крыша — из бетонных балок, с подвалом для боеприпасов, со стальной амбразурой, направленной в сторону сегодняшней станции метро «Профсоюзная» — отсюда ждали фрицев. Засыпанный землёй ДОТ походил на кучу земли высотой метра 4. В конце ноября – начале декабря 1941 г. уже была настоящая суровая зима. Воинское подразделение, приписанное к этому ДОТу, было расквартировано в нескольких близлежащих избах. Солдаты, тренируясь, в глубоком снегу по команде командиров ходили в атаку, окапывались, вели огонь по условным танкам.

Мы, мальчишки от 3 до 15 лет, были увлечены этими тренировками больше, чем солдаты. Ходить в атаку против немцев с настоящими солдатами было нашей святой обязанностью! С винтовками, сделанными на скорую руку из первых попавшихся палок, мы бежали в атаку вместе с бойцами и громче них кричали: «Ура-а-а!», закапывались в снег так глубоко, что самых маленьких приходилось откапывать. Командиры сначала гоняли нас, но убедившись в нашей неотступности, махнули рукой. Только потребовали, чтобы мы «воевали» не вместе с солдатами, а рядом, чуть в стороне. Домой мы приходили по уши мокрыми и холодными. На «охи» и «ахи» близких: «Где это вы так?» — гордо отвечали: «В атаке!»

Самым старшим из нас удавалось выпросить у бойцов по несколько холостых (без пуль) винтовочных патронов. Потом мы разжигали костёр. Кто-нибудь кидал патрон в огонь и кричал: «Ложись!». Все кидались на снег и лежали до тех пор, пока этот патрон не взрывался. И так до тех пор, пока не кончались все патроны.

Конечно, если бы немецкие танки дошли до нашей деревни и атаковали этот ДОТ с горсткой бойцов, соседние дома были бы превращены в развалины. Но этого не случилось благодаря тому, что армия генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского, куда входили стрелковая дивизия генерал-майора И.В. Панфилова (подготовившего контрнаступление, но погибшего 18 ноября 1941 г. перед самым его началом), танковая бригада полковника М.Е. Катукова, кавалерийский корпус генерал-майора Л.М. Доватора (погибшего 19 декабря 1941 г., сразу после начала нашего наступления) и другие части в ожесточённых, нечеловеческого напряжения боях сумели в первой декаде декабря 1941 года переломить у деревни Крюково (сегодня станция Крюково находится в черте города Зеленоград) ход сражения под Москвой. К концу 1941 года все войска, оборонявшие Москву, перешли в общее контрнаступление.

Мы должны помнить их тяжёлый ратный труд. В боях под Крюковым, как и вообще на войне, была кровь, грязь, мороз, неимоверная усталость, неразбериха, мат, грохот, страх, смерть, отчаяние, злость... Победить во всём этом — это выше возвышенного. Низкий поклон победившим все это...

Мама работала в пошивочной мастерской, шила обмундирование и бельё для военных. Утром, уходя на работу, она запирала меня спящего, оставив завтрак на стуле у кровати. Одному взперти было страшновато, но в обед она прибегала, пошивочная мастерская была в полукилометре от дома. Потом она стала работать надомницей, то есть на дому: мне стало на много веселей. Электрического освещения не было. Мама шила на своей ручной швейной машинке при так называемой «коптюшке», которая состояла из баночки с керосином, куда опущен фитилек, верхний конец которого с помощью трубочки и проволоочки удерживался сверху и горел. Света было немного, его едва хватало для освещения рабочей зоны швейной машинки. Я сидел в полутёмной комнате на диване и слушал какую-нибудь передачу из репродуктора под звуки «гыр-гыр-гыр-гыр...» маминной машинки. А из полутёмного угла комнаты на нас строго поглядывал Серафим-угодник. Перед ним теплилась маленькая лампадка. Так проходили длинные зимние вечера.

Однажды мама пошла отоваривать продуктовые карточки (рис. 8) в Черёмушки, в магазин. Продукты можно было купить за деньги, только предъявив карточки и оторвав от них и приложив к деньгам соответствующий квадратик с текущим числом. Карточки были на всё: хлеб, овощи, крупы, сахар, мясо, рыбу, соль. Введены были в СССР в очередной раз в июле 1941 г., отменены — в декабре 1947 г. Карточная система была в большинстве стран — участниц Второй мировой войны.

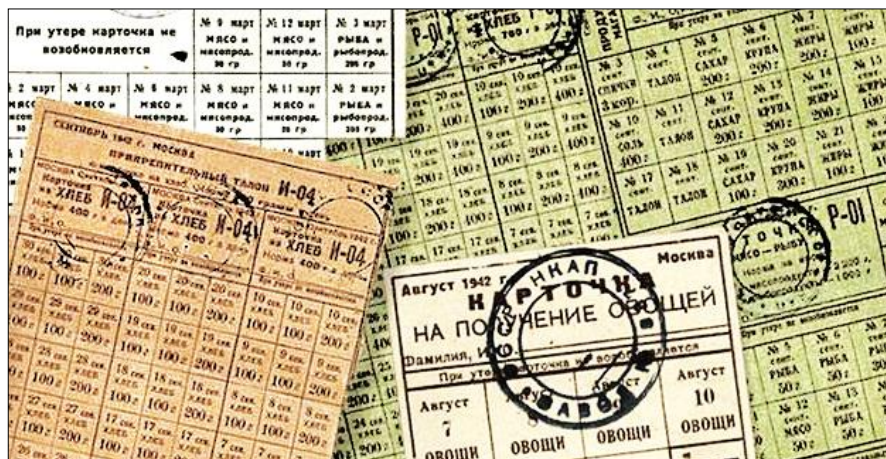

Рис. 8. Продовольственные карточки 1942–43 годов.

Мне было года 4, или чуть больше. Мама сказала, что вернётся засветло, и заперла меня. Когда стало смеркаться, а мамы всё не было, мне стало страшно, я расплакался, надел валенки, пальтишко и шапку. Потом взял полено у печки, подставил табуретку к окну, разбил стёкла поленом и вылез на улицу, благо, окно было в полуметре от земли. И пошёл с рёвом искать маму. У одних соседей её не было, у других — не было. На все предложения соседей посидеть у них я отвечал категорическим отказом. Мне надо было найти маму. Наконец она появилась (в магазине была большая очередь), схватила меня в охапку и понесла домой. На ночь разбитое окно заткнули подушкой. Отремонтировать окно мама не могла. Не было ни материалов, ни мужских рук.

Через нашу деревню откуда-то с фронта, который в самые тяжёлые времена находился в 40 км от Шаболова, иногда провозили, точнее, протаскивали подбитую военную технику куда-то в сторону Москвы, видимо, на ремонт. Помню, как один грузовик «студебеккер» тащил другой, у которого вместо одного из задних колес было прилажено бревно, а в кузове обеих машин были раненные красноармейцы. Американские «студебеккеры», полученные по Ленд-лизу (государственная программа США, по которой штаты передавали своим союзникам во Второй мировой войне технику и боеприпасы, в основном, на безвозмездной основе) сильно помогли нам тогда.

Когда немцев отогнали от Москвы, много немецкой подбитой и просто трофейной техники свозили в большой овраг между психиатрической больницей имени П.П. Кащенко (ныне им. Н.А. Алексеева) и микрорайоном под названием «Загородное шоссе». Овраг был заполнен почти доверху.

В послевоенное время весь этот металлолом вывезли на переплавку. Сейчас этот овраг засыпан, на его месте — сквер. Зарубцовываются раны войны на местности, но остаются в памяти.

От отца приходили редкие письма-треугольники. Конверты для писем в армии были дефицитом. А любой листок бумаги легко складывался в треугольник и пересылался на фронт или с фронта бесплатно. Естественно, полный адрес указывался только для гражданского адресата, находящегося в тылу. Для военнослужащего указывался только номер полевой почты. А где она находится, никто из гражданских не знал. Все письма на фронт и с фронта обязательно проверялись военной цензурой. Конверты для писем стали доступными ближе к концу войны.

Когда мама узнала, что отец ранен и находится в госпитале в Волоколамске, сразу решила поехать к нему. Раздобыла где-то 3-литровый бидончик молока, тепло одела меня — зима была морозная — и из Шаболова через всю Москву — на Ржевский (ныне Рижский) вокзал. До Волоколамска 120 км, но никаких электричек (их называли моторвагоны) на Ржевской дороге еще не было. Всё на паровозной тяге и пассажирских вагонах с посадкой от земли. Да и таких вагонов в гражданском обиходе не было — война. Как свидетельствуют документы, это должно было быть между 15 и 21 февраля 1943 г., когда мне было 4 года и 4 месяца. Чтобы решиться на такую поездку с ребёнком и вещами в мороз при транспортной неопределённости военного времени требовалось незаурядное мужество.

Ехали мы в небольшом товарном вагоне с боковой раздвижной дверью (рис. 9). Такие вагоны называли теплушками. В середине вагона стояла печка-буржуйка с трубой, пропущенной вверх через крышу. У печки — лавочка на 3–4 места. На полу — тонкий слой сена-соломы, на котором и размещались пассажиры. Людей было много. Нам уступили место на лавочке у горячей печки.

Рис. 9. Вагон-теплушка.

Я разомлел после морозной улицы и заснул.

Ехали всю ночь. Солнечным морозным утром — в Волоколамске. Помню расчищенные от снега дорожки у какого-то большого здания, сугробы на много выше моего роста. Военный, которого называли «товарищ капитан», сказал, что у них «черепников» (раненых в череп) нет, что «черепники» лежат в другом госпитале

(отец был ранен в голову). Он рассказал маме, как туда пройти, и предложил пока оставить у него и меня, и бидончик со снежно-ледяной массой, в которую превратилось молоко на морозе. Мама ушла. Капитан отстегнул от своего настоящего пистолета цепочку и подарил её мне, чтоб мне было нескучно. О! Настоящая цепочка от настоящего пистолета! Долгие годы я хранил эту цепочку...

Когда отцу медсестра сказала, что к нему приехала жена, он очень удивился: «Какая жена!?!». «А их у Вас сколько?» — усмехнулась та. Отец был рад нашему приезду, но выглядел уставшим. Почти вся его голова, кроме лица, была забинтована. Двигался он очень медленно, без резких поворотов. Через полчаса — медики ограничивали время свидания — мама со мной поспешила в обратный путь.